

противъ „заклятыхъ украинофиловъ“ (которыхъ приравнивала къ Полякамъ) и тѣми обвиненіями въ нигилизмъ, какія поднялись въ русской литературѣ противъ украинофильства, и тѣми обвиненіями въ „козаколюбствѣ“, какія шли отъ тѣхъ же Поляковъ. Тотъ протестъ 1866, гдѣ „старо-русская“ партія заявила о единствѣ Галичанъ съ Великоруссами, далеко не былъ такимъ „полнымъ отреченіемъ отъ солидарности съ Австріей“, какъ это кажется Головацкому. Еще не задолго передъ тѣмъ то же „Слово“ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ возставало противъ „непряхильныхъ Малороссамъ“ журналистовъ-диктаторовъ, на сѣверѣ Россіи Каткова, завзятаго противника Малороссовъ, на югѣ Говорскаго“, и было за малорусское единство: могъ ли такой радикальный поворотъ во мнѣніяхъ быть всеобщимъ? Напротивъ, въ цѣломъ кругѣ противниковъ „старо-русской“ партіи манифестація 1866 года произвела самое непріятное, отталкивающее впечатлѣніе: она понята была какъ отреченіе отъ своего народа ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, что вывести изъ приведенныхъ словъ Головацкаго, какъ не заключеніе о совершенной ненужности галицкой литературы?

Въ литературѣ, вопросъ выяснялся однимъ несомнѣннымъ фактомъ: то, что писалось Галичанами на мнимомъ русскомъ языкѣ, было безжизненно и бѣдно содержаніемъ; напротивъ, сколько-нибудь сильный талантъ обращался обыкновенно къ народному языку.

Въ концѣ-концовъ, народовцы подѣйствовали отчасти на своихъ противниковъ; послѣдніе сдѣлали уступку для народнаго языка въ популярныхъ книгахъ, повѣстяхъ и т. п. Но и доннѣ галицкая литература, и по языку, и по содержанію, все еще представляетъ хаосъ—которому пора бы кончиться.

По одной довольно отчетливой библіографіи галицкой литературы, съ 1837 до 1862 вышло до 250 русинскихъ книгъ: большею частью

¹⁾ Приводимъ для образчика одинъ отзывъ изъ круга народовцевъ: „Першимъ починомъ безжизненности староруской партіи — було прилюдне опущене народнєй підстави, ввеченєся свого народу и языка, яке відбулося в злопам'ятній манифестації здесперованого «Слова» в 1866 р. Хто троха міг застановитись над досягlostю сего акту, мусів зрозуміти, що наші проводирі кинувшись в рамена «общерусизму» — після їх власних слів — готового и «ніякого труда нестоячого» — відпурналися праці и совісного труда для добра народу, зреклися органічного розвою, самовіжного житя, а тим самим и втратили підставу всякого житя. Галицьке «общерусске обєднєнє» було неперечною ознакою лінивости, здряхлілости и морального павперизму... (Правда, 1876, 953).

Обѣ стороны не отличали двухъ разныхъ вещей: «общеруссизмъ» какъ элементъ образовательный, и какъ тенденцію политическую. Въ первомъ смыслѣ онъ былъ бы очень полезенъ для Галичанъ; во второмъ, «старо-русская» партія поступила съ своимъ «актомъ» слишкомъ поспѣшно, и по австрійскимъ, да и по русскимъ отношеніямъ. А когда она въ своемъ «общеруссизмѣ» понимала союзъ съ русскими реакціонными направленіями, то негодованіе народовцевъ было совершенно справедливо.